

ОН ПОПАЛ В КАННСКУЮ "ПРОРВУ"

В мае для Ивана Дыховичного звучит музыка декабря

Иван Дыховичный

“Музыка для декабря” режиссера Ивана Дыховичного — единственная художественная картина, отобранная от России на открывшийся вчера 48-й Международный Каннский кинофестиваль. Она будет показана в программе “Особый взгляд”, куда традиционно включали фильмы Вендеса, Фассбиндера, Висконти, Бунюэля. “Музыка для декабря” автора имперской “Прорвы”, лучшего фильма 92-го года по оценкам кинокритиков, снята в его собственной студии “Цех” на “долби”, что для нашей страны пока еще большая редкость. Ожидается новый эстетический бум, “особый взгляд” и Елена Сафонова, несколько лет не снимавшаяся в русском кино.

— Вы, наверное, серьезно задумывались после “Прорвы”, какое кино делать дальше?

— Очень опасно начать думать, что нужно внимательно отнестись к тому, какую картину снимать

Елена САФОНОВА
прежняя и новая

ту картину, которую мне все не советовали — не претендующую на коммерческий успех, но претендующую на долгую жизнь.

— Каким должно быть кино, претендующее на длинную жизнь?

— На Западе все хотят от нас видеть просто диалоги на экране — любим ли мы Ельцина, выйдем ли из Чечни, но мне значительно интереснее человек и то, что с ним происходит. У нас есть авангардное кино, развивающееся, на мой взгляд, в архаическую сторону — самым нафталином будет это авангардное кино; есть кино классического бурлеска — Михалков, но тем, чем я занимаюсь, здесь мало

кто занимается.

— Трудно представить, что вы можете снять просто веселую, понятную картину, и все же объясните конкретнее.

— Нужно снимать то, во что ты веришь, и, может, сегодня это не даст мне такого приятия, но я убежден, что это абсолютно новое кино. Я впервые вошел в реалии сегодняшнего дня и убедился: как только начинаешь чувствовать ее образно, она прекращает быть газетной. Картина не имеет дня, числа и дат, она не цепляет ларьки и штампы этой жизни, но у меня такое ощущение, что по истечении какого-то времени она будет в значительно большей степени отражать эту реальность. Картина печальная, трагическая. Некий человек — не бизнесмен, не новый герой, он художник — возвращается из Америки, куда он уехал восемь лет назад и там состоялся, в сегодняшнюю жизнь, в мир близких ему людей, которых он оставил, но вернуться в эту воду — а это даже не вода, а водопад, — практически невозможно. Душевного будущего в этой жизни за ним нет, и он погибает. Идея такова, что разъединение людей происходит с той невероятной ускорительной силой, которой ни одному времени свойственно не было. Нас разнесит в разные стороны, и пока мы не превратимся в отдельные планеты, мы опять не соединимся. Чтобы объединиться, надо дойти в своем одиночестве до края.

— Для реализации своей идеи, я знаю, вы пригласили наших актеров, действительно разбросанных в разные стороны, — Елена Сафонова живет во Франции, Григорий Гладий — в Канаде, а ваш сын Митя учится в Германии.

— Елена Сафонова, мне кажется, в удивительной форме, с очень хорошим состоянием души сейчас. Она не снималась в России года два, и эта пауза пошла ей на пользу — она как бы свежее лицо, а то, что она человек той генерации, во многом заштампованный, — очень помогает ее образу. Она абсолютная женщина, которая прекрасно смотрится, не может почувствовать себя в этом времени, нравиться людям, начинающим новую жизнь, она принимает ее, но в нее не вписывается. Ее героиня старше ее по возрасту, но Елена прекрасна в этом возрасте. Мне кажется, мы положили ей досочку к новому амплу. Что касается Мити, когда он кончил сниматься в “Прорве”, ему было 19, он художник, учится в Дюссельдорфской академии живописи. Он пока еще ничего не играет, он просто живет и чувствует как человек, и это для меня очень важно в кино.

— Судя по “Прорве”, вы любите снимать оригинальных людей, даже если они не актеры?

— Здесь тоже есть такая героиня, на мой взгляд, это новый женский образ. Она просто жена богатого человека, Наталья Жукова. Очень красивая девушка с очень странной психикой. В ней замешано все — от добра до зла, от цинизма до детства, все соединено в юном существе, которое многоопытные двадцати прожитых женщин и наивнее шестилетнего ребенка. Меня интересует ансамбль. Все герои этого фильма — главные, потому что сегодня нет Главного Героя.

— Вас, как и в “Прорве”, волнует эстетика времени?

— Я думаю, это вызовет бурю негодования, что я эстет, но я опять вижу жизнь красивой. Я снимал специально Петербург, потому что он искусствен, и, как на старой и совершенной вещи, весь ужас сделанного на нем виден в значительно большей степени. Такая история могла произойти только в этом городе. Москва — это Вавилон, здесь нужно снимать гангстерские истории.

— Вы по-прежнему работаете с французскими?

— Никаких французских, я их исключил — они требуют гибридов, а в этом мы явно не совпадаем. На мое счастье появился Леонид Лебедев, президент очень крупной компании, который в трудное время поддерживал Макаревича. Все было на европейском уровне. Снимал Сергей Козлов, и, как сказал один человек, посмотревший материал, “это его самая цельная картина по взаимоотношению с режиссером”. Сценарий писал я с Марией Шептуновой.

— Вы выросли в писательской семье, интересно, каким видел вас отец?

— Он меня не успел толком увидеть, потому что мне было 15, когда он умер. Но я в 12 лет пошел в театр, был такой Елагинский театр поэзии, где первый раз со сцены были прочитаны “Антимир” Вознесенского, и Вознесенский присутствовал на каждом нашем спектакле. Театр был подпольный, и за спектакль нас просто били. Мой отец пришел и был счастлив, потому что потенциально я был хулиганом — не любил никаких интелли-

гентских занятий, занимался боксом, меня без конца выгоняли из школы — так что ничего хорошего от меня не ждали.

— А к такому интеллигентскому занятию, как актерская профессия, вы не хотите вернуться? Я недавно смотрела “Москва, любовь моя” и с радостью признала вас в маленькой роли.

— Все-таки осторожность мне Бог дал, и я ушел в жизни от многих позоров. А с этой картиной история занятная. Там были две роли, которые играли мы с Ритой Тереховой. На роль, которую играет Видов, был приглашен Даль. Когда подошли к съемкам, вдруг появился Видов, тогда навязываемый его женой, которая выдавала себя за племянницу Брежневой, а на самом деле ее дядя был генералом КГБ. Когда Дalia заменили на Видова, я сказал Мите: “У тебя фильм будет второй”. В результате Саша оставил немного меня, а Риту выкинул вообще.

— Вы по-прежнему поете и играете на гитаре?

Любовь ДРУЖИЧ
ее лицо Дыховичного —

— Я даже в свое время зарабатывал этим деньги, надо же было тогда чем-то жить! Ездил с Володей Высоцким, пел песни Дениса Давыдова. Сейчас не играю и не пою, к сожалению, хотя надо было бы веселее жить.

— Вы поддерживаете отношения с Уте Лампер?

— Мы несколько раз созванивались, но, помоему, ее очень огорчила судьба “Прорвы”. Она ждала от нее какго-то огромного успеха. Она не понимала, что наших картин на Западе, кроме Михалкова, который имеет имидж русского гусара-медведя, не хотят. Она родила ребенка от человека, которого любила, он американский комик, но она совершенно не хотела выходить замуж. В конце концов, она может это себе позволить. У нее был друг, который приезжал к ней сюда, музыкальный продюсер, престельный умный человек, немолодой. Я не знаю, выдержал ли он такое испытание, как рождение ребенка от

Для “Прорвы” он искал актрису, пошел одновременно на Марлен Дитрих и Грету Гарбо. И нашел в Париже немецкую певицу Уте Лампер

другого мужчины, но, думаю, что если он ее любит, то выдержит.

Наталья РТИЦЕВА.